

**

сть ау́л вблизи́ Каза́ни,
по назва́нию Курла́й.
Да́же ку́ры в том Курла́е
петь уме́ют... Дивный край!

Хоть я ро́дом не отту́да,
но любóвь к нему́ храни́л,
На земле́ его́ рабо́тал —
се́ял, жал и боро́нил.

Он слы́вет¹ большо́м ау́лом?
Нет, напро́тив, невели́к,
А река́, наро́да го́рдость, —
прóсто ма́ленький родни́к.

¹ Слы́вет — счита́ется.

Сторонá ésta леснáя
вѣчно в пáмяти живá.
Бархатíстым одеялом
расстилáется травá.

Там ни хóлода, ни знóя
никогда́ не знал наро́д:
В свой черѣд подúет вѣтер,
в свой черѣд и дождь пойдѣт.

От мали́ны, земляни́ки
всѣ в лесу́ пестры́м-пестро́,
Набира́ешь в миг еди́ный¹
ягод пóльное ведро́!

Ча́сто на травѣ лежа́л я
и гляде́л на небеса́.

Гро́зной ра́тью мне каза́лись
беспреде́льные² леса́.

То́чно вои́ны, стоя́ли
ли́пы, со́сны и дубы́,
Под сосно́й — щавель и мя́та,
под берёзою — гри́бы.

Ско́лько си́них, же́лтых, кра́сных
там цвето́в переплелóсь,
И от них благоухáнье
в сла́дком возду́хе лило́сь.

¹ В миг еди́ный — в короткое время.

² Беспредѣльные — бесконечные, без
конца́ и края.

Улетáли, прилетáли
и садíлись мотылькí,
Бúдто с нíми в спор вступáли
и мирíлись лепесткí.

Птíчий щéбет, звóнкий лéпет
раздавáлся в тишинé,
И пронзíteльным весéльем
наполня́л он дúшу мне.

Здесь и мýзыка, и тáнцы,
и певцы, и циркачй,
Здесь бульвáры, и теáтры,
и борцы, и скрипачй!

Разуме́ется, что в э́том
удивительном лесу́
Встрéтишь во́лка, и медвéдя,
и кова́рную лису́.

Здесь охóтникам нерéдко
вйдеть бéлок привелóсь.
То промчй́тся сéрый зáяц,
то мелькнёт рогáтый лось.

Мно́го зде́сь тропи́нок та́йных
и сокровищ, говоря́т,
Мно́го зде́сь зве́рей ужа́сных
и чудовищ, говоря́т.

Мно́го сказа́з и пове́рий
хо́дит по родно́й земле́
И о джи́нах, и о па́ри,
и о стра́шных шура́ле.

Пра́вда ль э́то? Бесконе́чен,
сло́вно не́бо, дре́вний лес,
И не ме́ньше, чем на не́бе,
мо́жет быть в лесу́ чуде́с.

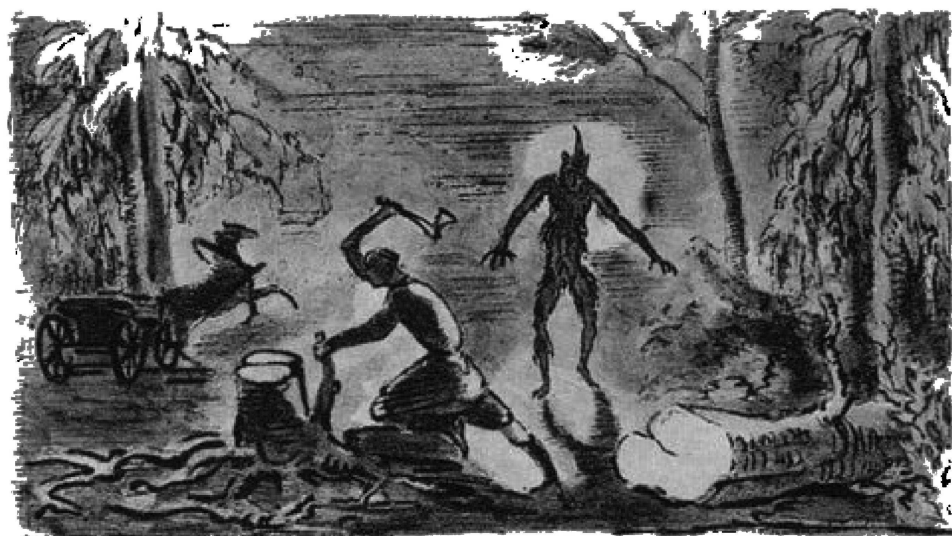
Об одном из них начну я
повесть краткую свою,
И — таков уж мой обычай —
я стихами запою.

Как-то в ночь, когда, сияя,
в облаках луна скользит,
Из аула за дровами
в лес отправился джигит.

На арбе доехал быстро,
сразу взялся за топор,
Тук да тук — деревья рубит,
а кругом дремучий бор.

Как бывает часто летом,
ночь была свежая, влажная,

Оттого, что птицы спали,
нарастал тишина.

Дровосек, работой занят,
знай стучит себе, стучит.
На мгновение забылся
очарованный джигит!

Чу! Какой-то крик ужасный
раздаётся вдалеке,
И топор остановился
в замахнувшейся руке.

И застыл от изумленья
наш проворный дровосек.
Смотрит — и глазам не верит!
Кто же это: человек?

Джин, разбойник или призрак
этот скрюченный урод?

До чего он безобразен,
поневоле страх берёт!

Нос изогнут наподобье
рыболовного крючка,
Руки, ноги — точно сучья,
устрашат и смельчакá!

Злóbно вспыхивают óчи,
в чёрных впадинах горят.
Даже днём, не то что ночью,
испугáет этот взгляд!

Он похож на челове́ка —
очень то́нкий и нагóй,
У́зкий лоб укра́шен ро́гом
в па́лец наш величи́ной.

У него́ же в полярши́на
па́льцы на рука́х кривы́х,
Де́сять па́льцев безобра́зных,
о́стрых, дли́нных и прямы́х!

И, в глаза́ уро́ду глядя,
что зажглись, как два огня́,
Дровосе́к спроси́л отва́жно:
«Что ты хо́чешь от меня́?»

«Молодой джигит, не бойся,
не влечёт меня разбой.
Но хотя я не разбойник,
я не праведник святой.

Почему, тебя завидев,
я издал весёлый крик?
Потому, что я щекоткой
убивать людей привык!

Каждый палец приспособлен,
чтобы злее щекотать.
Убиваю человека,
заставляя хохотать!

Ну-ка, пальцами своими,
братец мой, пошевели,
Поиграй со мной в щекотку
и меня развесели!»

«Хорошо, я поиграю, —
дровосёк ему в ответ, —
Только при одном условии...
Ты согласен или нет?»

«Говори же, человек,
будь, пожалуйста, смелый.
Все условия приму я,
но давай играть скорей!»

